

ЯКОБИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И НЕЙТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЛЕТОМ 1793 ГОДА *

А Нарочницкий

В справедливой войне французского народа против контрреволюционной Европы в годы 1793—1794 якобинская республика успешно использовала не только свою новую, революционную армию, но и свою дипломатию. Внешняя политика якобинской диктатуры является с этой точки зрения одной из актуальнейших исторических проблем и заставляет самого внимательного и подробного изучения.

Историки до сих пор обычно ограничивались изучением внутренней борьбы партий и классов в революции во Франции и их внешней политики до лета 1793 года. При этом нельзя не отметить переоценку историками значения внешней политики Учредительного собрания, фельянов, жирондистов и Дантоня до лета 1793 г. и пренебрежение к историческому опыту внешней политики якобинской республики. А между тем дипломатия фельянов и жирондистов не была основана на реальной силе и на союзе с народом внутри страны, так как она лишь сеяла иллюзии своими широкими, но беспочвенными проектами, ценностями только для изучения их собственных стремлений. Лишь в вопросе об отношениях с нейтральными странами Дантон и жирондистский министр иностранных дел Лебрен уже с весны 1793 г. заявили

* Предлагаемая статья составляет § 4 главы IV моноографии автора за тему «Внешняя политика якобинской республики 1793—1794 годов».

позицию, которая оказала сильное влияние на политику возглавляемого Робеспьером Комитета общественного спасения и оправдала себя как средство борьбы против экономической и политической изоляции Франции в самый тяжелый период войны.

Внешняя политика якобинцев резко отличалась от внешней политики жирондистов смелостью, твердой решимостью и революционной энергией, свойственной молодой, подымавшейся буржуазии Франции. Её главная цель — спасение революции — была достигнута. Отказываясь открыто от территориальных завоеваний, от революционной пропаганды за границей и от вмешательства во внутренние дела других стран, внешняя политика якобинцев обнаружила суровый реализм и действенную силу. Она опиралась на беспощадные революционные меры, обеспечивающие внутри страны союз якобинцев с народными массами. Благодаря этой политике якобинцы — когда Франции грозили полное окружение и блокада — сохранили в стране мир и торговые сношения с нейтральными странами. Это представляло разительный контраст с иллюзиями и авантюризмом иностранных космополитов-эмигрантов, политикам которых сводилась к псевдореволюционным фразам, а на деле грозила французской республике полной изоляцией и переходом нейтральных стран на сторону коалиции.

В твердом намерении не доводить до разрыва с нейтральными странами движущим мотивом якобинцев была не умеренность, а

подлинная и суровая революционная целесообразность в условиях крайней опасности, когда следовало думать прежде всего об уменьшении числа врагов и о сохранении торговых связей. К тому же в нейтральных странах не было и предпосылок для осуществления революционного переворота, подобного событиям 1793 г. во Франции.

Летом 1793 г. военные поражения Французской Республики и развитие в ней внутренних событий вызвали кризис её отношений с нейтральными государствами. Восстание 31 мая — 2 июня и изгнание жирондистов из Конвента испугали правительства нейтральных стран, создав у них убеждение в неустойчивости революционной власти во Франции. Дружественные нейтральные государства, нуждавшиеся в поддержке Французской Республики, испытывали недоверие к её силам и тревогу. Государства, настроенные враждебно, готовы были уступить требованиям и угрозам коалиции, которая стремилась вовлечь их в войну. Из стран перед контрреволюционной коалицией большинство нейтральных стран, несмотря на то, что их жизненные интересы требовали сближения с Францией, не смело формально признать Французскую Республику и принять её представителей. Дипломатические сношения Франции сократились и велись большей частью полуофициально. Летом 1793 г. такие сношения поддерживались только с Соединёнными Штатами Америки, с Данией, Швецией, Турцией, Швейцарией, Венецией, Генуей и Тосканой. Эти именно страны, особенно нуждавшиеся в сохранении сильного французского государства, боялись усиления коалиции.

Дантон и Комитет общественного спасения с весны 1793 г., после провозглашённого 13 апреля отказа от вмешательства во внутренние дела других народов с целью революционной пропаганды, пытались всемерно укрепить отношения Франции с нейтральными государствами, чтобы воспользоваться их нейтралитетом и торговлей с ними для борьбы с коалицией. Мысли, что укрепление связей с нейтральными странами принесёт Франции серьёзную поддержку и предотвратит её политическую и экономическую изоляцию, становилась всё более популярной. Один из новых назначенных дипломатических агентов, Сулави, писал, что так называемые «нейтральные» государства на деле являются «естественными союзниками» Франции и нуждаются в сохранении её мощи и в её содействии против захватнических стремлений коалиции. «Те, кого осмеливаются называть нейтральными, являются естественными друзьями Франции, друзьями во все времена, надежными друзьями, друзьями, которые брались за оружие ради Франции всякий раз, когда она этого желала, а именно. Турция, Польша, Саксония, Швейцария, Дания, Генуя и т. д. и т. д. Все эти державы — которых считают винчестерами или рабками, есть государства, в силу необходимости заинтересованные в поддержке центрального ядра в Европе — Франции, которая во все времена

была их защитницей (protectrice), их поддержкой, их точкою споры против больших честолюбивых государств — России, Австрии, Испании, ставших великими державами благодаря своему соседству с малыми. Следовательно, малые державы, которых осмеливаются называть нейтральными, есть наши друзья, наши естественные союзники»¹.

Ещё дантоновский Комитет общественного спасения твёрдо держался точки зрения, удачно выраженной Сулави. Дантон, Лебрен и Дефорг одинаково мечтали создать своего рода лигу из нейтральных государств против контрреволюционной коалиции.

26 мая, передавая Комитету общественного спасения список вновь назначенных им дипломатических агентов, Лебрен такрезюмировал свои проекты в отношении нейтральных стран: «Наши враги образовали против нас могущественную лигу; попытаемся противопоставить им контрлигу, которая сможет её уравновесить (contrebalance). Эта контрлига будет образована из Швеции, Дании, Турции, различных государств Германии (Бавария, Бюргемберг, Саксония, Пфальц), а в Италии из Венеции Неаполя, Тосканы и даже Генуи»².

Все эти страны Лебрен предложил направить представителей Французской Республики. В начале июня он составил для дипломатических агентов искусно разработанные инструкции, которые предписывали строгое воздержание от всякого вмешательства во внутренние дела нейтральных государств. Некоторые из намеченных им агентов были умными, образованными и способными людьми. Но не хватало самого главного — согласия большинства авторов на их приём и на признание Французской Республики.

В июне — июле, когда новая система в отношении нейтральных стран должна была принести свои первые плоды, она была парализована новыми поражениями Республики на фронте. Летом 1793 г. Франция оказалась близкой к полной экономической и политической изоляции. Блокада, которую пыталась осуществить коалиция, грозила прервать всю морскую торговлю Франции, даже под нейтральным флагом. Среди самих якобинцев враждебность эбертистов и таких иностранных космополитов-эмгрантов, как Клоотц с его сторонниками, ко всяkim дипломатическим сношениям с королями и эристократиями представляла серьёзную угрозу для сохранения дипломатических связей Франции с нейтральными странами.

После устранения Дантона Комитет общественного спасения прервал попытки начать мирные переговоры с государствами коалиции. Но, с другой стороны, он отверг и точку зрения эбертистов и Клоотца, полностью отрицавших необходимость всякой

¹ Aulard «La diplomatie du premier Comité de Salut Public (Etudes et leçons t. III, p. 150)». Письмо Сулави Дантону в Бареру от 24 апреля 1793 года

² Aulard. Op. cit., p. 151—152.

дипломатии. Как Робеспьер, так и наиболее революционная часть буржуазного крыла якобинцев не считали возможным отвергнуть дипломатию на том лишь основании, что она ранее служила абсолютной монархии, и считали необходимым использовать её против коалиции в борьбе за укрепление буржуазной демократии.

Новый Комитет общественного спасения принял меры к тому, чтобы всемерно упрочить мирные отношения с нейтральными странами.

11 июля, на другой день после устранения Дантона, Камбон одобрительно заявил, что Комитет «повсюду заронил семена дипломатии» (*il a jeté partout les germes diplomatiques*)¹. Нет сомнения в том, что похвала Камбона относилась ещё к дантоновскому комитету. Но и при новом комитете в сношениях с нейтральными государствами продолжалась та же миролюбивая политика, и притом с гораздо большою последовательностью. В этой области между Дантоном и Робеспьером разногласие касалось конечных целей и позиций в отношении США. Дантон желал поддержки нейтральных стран для большего успеха в мирных переговорах с коалицией, тогда как Робеспьер видел в укреплении дружественных связей с ними дополнительное средство полного разгрома врагов республики. Политика Дантона была колеблющейся и слабой и практически не разрешала задачу укрепления отношений якобинской республики с нейтральными странами, наметив этот путь лишь в принципе.

Другое отличие заключалось в том, что Робеспьер менее, чем Дантон, интересовался планом создания лиги нейтральных государств против коалиции и больше рассчитывал на использование нейтралиста каждого из них в отдельности. Но политику Дантона и Робеспьера объединяют преемственная связь в самом принципе укрепления мирных отношений с нейтральными странами. Одним из выражений этой преемственности было оставление до 1 апреля 1791 г. на посту министра иностранных дел ставленника Дантона — Дефорга, который продолжал переписку с агентами республики в нейтральных государствах.

Особое значение для сохранения внешней торговли революционной Франции имели отношения с нейтральными государствами в то время, когда английский флот захватывал французские торговые суда и корабли, которые везли во Францию товары под нейтральным флагом. (Значительная часть грузов привозилась во Францию на судах ганзейских городов.)

Весной 1793 г. возникло намерение расширять закупки продовольствия в портах Северного и Балтийского морей. 6 марта поставщик Деламар получил для этого кредит в 10 млн. турских ливров. Но коалиция стремилась прервать все поставки этого рода. 14 февраля под влиянием запугивающей со-

стороны Пруссии гамбургский сенат выслал французского посланника. 4 марта в ответ на эту меру Национальный конвент в итоге негодования наложил эмбарго на все суда ганзейских городов, находившиеся во французских портах. Вскоре поспешность и спешечность этого декрета стали очевидными: многие купцы ганзейских городов считали выгодным вести торговлю невзирая на разрыв дипломатических сношений их городов с Францией. 29 марта эмбарго было снято.

Однако прусский двор не успокоился и потребовал от сената Гамбурга прекращения всякой торговли с Францией. Сенат был вынужден формально уступить, и вслед за этим во Франции ганзейские суда вновь были объявлены законным военным призом². Всё же Комитет общественного спасения не желал раздражать иностранных импортеров и, обходя этот декрет, не раз высосил решения о снятии эмбарго и об освобождении отдельных голландских, ганзейских и других нейтральных судов с выплатой убытков от их задержания³. Но грузы, предназначенные врагам республики и обнаруженные на нейтральных судах, по декрету от 9 мая, подлежали конфискации. В июле и августе Комитет утвердил ряд новых крупных сделок с иностранными поставщиками. Тем не менее летом сокращение внешней торговли стало настолько ощутительным, что Конвент стал придавать большое значение поощрению импорта.

29 августа в Конвенте снова возникли горячие споры о судах ганзейских городов в Дании. Якобинцы Симон и Рюль потребовали объявления ганзейских городов в Дании врагами Франции и захвата их судов. Но победила точка зрения депутатов Майля и Сент-Андре, которые добились признания ганзейских и датских судов нейтральными⁴. Всё же на деле многие суда нейтральных государств подвергались задержанию, а их грузы — конфискации.

Для сохранения внешней торговли и предотвращения полной изоляции Франции наиболее важны были её дружественные связи с Соединёнными Штатами Америки, Данией, Швейцарией, Генуей, североафриканскими государствами и Турцией.

В Соединённых Штатах Америки в то время находился французский посланник — «гражданин Жене», агент жирондистов. Весной и летом 1793 г. деятельность Жене возбудила крайнее неудовольствие американского правительства и поставила под угрозу дружественные отношения Франции с заокеанской республикой в тот момент, когда их сохранение стало особенно необходимо.

¹ «La commission des subsistances de l'an II», p. 647—650. Paris. 1925; Aulard d. Op. cit., p. 166—169.

² Recueil des actes du Comité de Saint Public. («Recueil...») T. IV, p. 484, Протокол от 13 мая. T. V, стр. 416.

³ «Moniteur», T. XVII, p. 501—502.

«Гражданин Жене» прибыл в Америку 8 апреля, в то время когда уже потеряла всякий смысл инструкции, данные ему журналистами, составленные ещё в декабре 1792 г., в пору побед и наибольшего упоения я революционной пропагандой за пределами Французской республики. Согласно этим инструкциям, Жене должен был втянуть Соединённые Штаты в войну с Англией. Ему поручалось снаряжать американские суда для ведения калерской войны с английским торговым флотом и подготовить вооружённое вторжение в Канаду и Луизиану с целью возбудить там революционное восстание. Во главе этого восстания должен был стать комитет инсургентов, действовавший по указаниям Жене.

Когда Жене покинул Францию и отправился в Америку, он, подобно многим журналистам, был проникнут беспредельной верой в немедленное торжество революционных принципов во всех странах и полон презрения к дипломатическим обычаям, сложившимся при дворах абсолютных монархий в XVI—XVIII веках. Жене был уверен и в том, что союзный договор, заключенный между Францией и американскими колониями во время войны за независимость, сохраняет свою силу в годы революции. Претензии на ведение калерской войны у берегов Североамериканских Соединённых Штатов инструкция Жене основывала на этом же союзовом договоре 1778 года¹. Участие Соединённых Штатов в войне против Англии казалось Жене заранее обеспеченным. Склонный к фразерству и иллюзиям, Жене вообразил, что американский народ немедленно перейдёт на его сторону, даже в том случае, если американское правительство захочет сохранить нейтралитет.

Жене высадился не в столице Соединённых Штатов Филадельфию, а в Чарлстоне. Ещё не успев вручить президенту свои верительные грамоты, он принял за революционную пропаганду и снаряжение калеров. Но втянуть Соединённые Штаты в войну с Англией оказалось невозможным.

Только находившаяся в меньшинстве партия республиканцев-антифедералистов проявляла бурное сочувствие французской революции и готовность к разрыву с Англией. Антифедералисты опирались на часть плантаторов, широкие массы фермеров и городской мелкой буржуазии. Вожаки антифедералистов — статс-секретарь по иностранным делам Джефферсон и влиятельный член Конгресса Медисон — стояли за сохранение союзного договора 1778 г. с Францией. Джефферсон с особой резкостью высказывал свои демократические настроения и симпатии к революционной Франции. Фермерство и городская мелкая буржуазия восторженно приветствовали Жене. Его поездка из Чарлстона в Филадельфию превратилась в настояще триумфальное шествие. Антифедералисты устраивали ему торжест-

венные встречи. Повсюду на его пути основывались демократические клубы наподобие французских

Тем не менее надежды Жене не оправдались. В правительстве Соединённых Штатов перевес оказался на стороне сравнительно более консервативной партии «федералистов» во главе с Джесем и статс-секретарём по финансовым делам Гамильтоном. Их поддерживал и президент Вашингтон. К федералистам примыкала часть плантаторов и богатая торгово-промышлена буржуазия североамериканских штатов, связанных с Англией обширной торговлей. Их симпатии были на стороне французского двора и аристократии. Якобинцы и террор вызывали в них лишь страх и отвращение. С особенностями негодованием Вашингтон отнёсся к казни Людовика XVI. Так же враждебен революции был и американский посол в Париже Моррис.

Но ещё серьёзнее была боязнь богатой американской буржуазии североамериканских штатов и плантаторов потерять выгодную торговлю с Англией. Около 1/3 ввозимых в Соединённые Штаты товаров поступало из Англии. Из американского экспорта на Англию приходилось немногим менее половины. При таких условиях война с ней представлялась явно разорительной.

22 апреля Вашингтон издал прокламацию о нейтралитете Соединённых Штатов и потребовал, чтобы все американцы воздерживались от проявлений вражды к воюющим сторонам и от контрабандной торговли с ними. Не желая втягиваться в войну с Англией, американское правительство всё же желало сохранить с Французской республикой дружественные отношения и официально признало Жене послаником.

Жене упорно вёл свою пропаганду через клубы и печать и вооружал калеров, незирая на холода и неудовольствие американских властей. Его затем требовали деньги, но принесли мало пользы, несмотря на симпатии широких слоёв американского народа к Французской Республике. С помощью пограничных колонистов под командой генерала Кларка, бывшего на французской службе, Жене хотел весной организовать поход в Луизиану, открыть свободное плавание по Миссисипи, вернуть Франции контроль над устьем этой реки и возбудить восстание против Испании. Но ничтожность средств повлекла за собой и ничтожность результатов. Денег не оказалось, и вооружено было всего до 200 человек.

Не встречая в американском правительстве сочувствия, Жене повёл неприкрытую агитацию против федералистов и Вашингтона, что было равносильно бесцеремонному вмешательству во внутренние дела Соединённых Штатов. Даже Джефферсон, который горячо поддерживал Жене, стал серьёзно бояться, что не в меру ретивый французский посланник склоняет промотирует партию антифедералистов и что его план вторжения в Луизиану приведёт США к войне с Испанией. 7 июля Джефферсон с досадой писал Медисону о нрудачном вы-

¹ Договор, §§ 17, 21—22. См. инструкцию Жене от декабря 1792 г. «Annual Report of the American Historical Association», т. II, p. 957—967. Washington. 1896.

бре Жене в качестве посланника¹ и перестал его поддерживать.

Между тем Жене окончательно разошёлся: он не считался даже с дружественными предостережениями и, в конце концов, оттолкнул от себя всех антифедералистов. Невзирая на предупреждение Джейфферсона, он в июле снарядил английский корабль, захваченный в американских водах французским фрегатом, и приказал его капитану отправиться в океан для охоты за английскими торговыми судами. Жене продолжал считать, что союзный договор 1778 г. должен сохранять силу и даёт ему право воспользоваться портами Соединённых Штатов Америки для организации каперской войны.

В июне Моррис в письме к Вашингтону выражал надежду, что если якобинцы утвердятся у власти, то Жене будет отозван и заменён другим лицом. Но время шло, и в августе недовольство американского правительства достигло своего предела. 23 августа оно приняло текст ноты к Франции с требованием отзыва Жене и замены его другим, более подходящим лицом². В ответ на это Жене обратился с резким протестующим письмом к Вашингтону и опубликовал в газетах обращение ко всем американцам, заявив, что он апеллирует к народу, минуя его правительство. Жене даже затеял авантюру подготовки в США созыва Учредительного собрания. Его прямое вмешательство во внутренние дела США вызвало новый взрыв негодования среди всех американских политических деятелей. Отношения США с Францией резко обострились.

Особого внимания заслуживает отношение к деятельности Жене сменявшихся французских правительств. Инструкции, составленные для него в декабре 1792 г., формально не предписывали ему действовать без согласия американского правительства и вопреки его воле. Но зимой 1792 г. жирондистское министерство было убеждено в том, что американские власти, с второгором относятся к его планам. Поэтому Жене поручалось решительно добиваться своей цели — вовлечения Соединённых Штатов в войну и восстания в Луизиане и Канаде. Его стремление действовать напролом в этом направлении вполне отвечало самоуверенности и силе политических иллюзий жирондистов в период побед Французской Республики и успехов революционной пропаганды за её пределами. Но после военных поражений весны 1793 г. это настроение переменилось: жирондисты стали сторонниками мира. Общая инструкция, составленная 7 июня Лебреном для всех дипломатических агентов в нейтральных госу-

дарствах, твёрдо и решительно говорит об этом изменении политического курса³.

Тем не менее Жене не получил никаких новых указаний от Лебрена. Объяснить этот факт не может ни медленность сношений с Новым Светом, ни бурная политическая борьба в самой Франции, которая отвлекала внимание от взаимоотношений с отдалёнными странами. Лебрен, повидимому, был уверен в том, что США вступят в войну, и вовсе не думал смотреть на них как на нейтральную державу. Дантон и Дефорг тоже не изменили и не дополнили инструкций Жене. Повидимому, Дантон и его единомышленники продолжали надеяться на успех попыток вовлечь Соединённые Штаты в войну с Англией: для жирондистов и Дантон это было одним из средств принудить Англию к миру⁴.

Но летом 1793 г. в Париж стали проникать сведения о растущем недовольстве американского правительства творением Жене. Перепуганный Дефорг 30 июля написал Жене письмо, в котором взял под защиту Вашингтона и осуждал попытки Жене действовать без согласия американского правительства. Дефорг понял, что если даже Соединённые Штаты и не дадут втянуть себя в войну, то важно всё же сохранить с ними дружественные отношения. «Никогда, — писал он Жене, — правительство не давало Вам полномочий вести себя проконсулом дружественной и союзной нации.. Как предписана сноситься с правительством, а не с частью нации; быть перед Конгрессом представителем Французской республики, а не вождём американской партии.. Каким успехом мог бы пользоваться во Франции иностранный агент, если бы вместо того, чтобы сноситься с представителями народа, исполнительным советом, он возымел дерзость окружить себя партней.. вооружить корсаров против дружественных наций и, наконец, заниматься созывом Учредительного собрания, как Вы о том извещаете».

Тем не менее Дефорг не предложил Комитету общественного спасения отзывать Жене. К концу сентября он пришёл к выводу о необходимости дезавуировать перед американским правительством его поступки. Но и осенью 1793 г. Дефорг не счёл нужным требовать отзыва Жене, а только хотел умерить его пыл. Эта точка зрения развита в записке, составленной в конце сентября в министерстве иностранных дел под названием «Краткое изложение поведения гражданина Жене в Соединённых Штатах Америки»⁵. Нерешительность Дефорга

¹ Correspondence of Clark and Genet. «Annual Reports of American Historical Association». T. II, p. 931—1107,особ. p. 932—933. Washington. 1896.

² Затем нота была помечена 16 августа. См. Morris «Mémorial de gouverneur Morris». T. II, p. 323. Paris. 1841. Письмо Вашингтону от 25 июня 1793 года.

³ См. выше.

⁴ Ноэль писал Дантону о необходимости вовлечь Соединённые Штаты в войну с Англией. См. об этом Lettres de Noël à Danton, «La Révolution française». T. VI, p. 459—462. Paris. 1884.

⁵ «Exposé succinct de la conduite du citoyen Genet dans les Etats-Unis de l'Amérique».

в этом случае вполне соответствует общему примиренческому отношению дантонистов к внешней политике жирондистов. Своими полумерами Дефорг и Дантон фактически покровительствовали Жене.

Деятельность Жене получила суровое осуждение в якобинском клубе. Якобинцы считали Жене агентом Лебрена и «бриссотинцем», который хочет рассорить Францию с Соединенными Штатами. 8 июля в клубе выступил Шабо и заявил: «Возможно, что в данный момент английская Америка выскажется против нас, так как брат Бриссо, который послан туда, там уже довольно на-бриссотовал» (*«Il sans doute brisseté d'importance»*).

Сохранение дружественных отношений с США представлялось якобинцам тем более важным, чем ранее было сокращение внешней торговли Франции в Европе и, чем более угрожающей становилась изоляция Франции. Между тем затем Жене на деле носили характер авантюры и могли в конец испортить отношения с заокеанской республикой.

Несмотря на осуждение Вашингтоном и федералистами казни короля, отношения Франции с Соединенными Штатами оставались дружелюбными, и якобинцы имели все основания желать сохранения нейтралитета Америки. Из Америки можно было вывозить продовольствие во Францию и во французские колонии Вест-Индии, всегда нуждавшиеся в его подвозе. Особое удобство представляло то обстоятельство, что эти поставки можно было получать не за наличные, а в счёт займа, предоставленного Францией американцам в годы войны за независимость. Погашение этого долга началось в 1790 г., когда было возвращено 3,6 млн ливров. Выплаты продолжались и после свержения монархии, но к 1793 г. оставались еще непогашенными 29,7 млн. ливров¹ и перспективы ввоза за счёт этой суммы могли быть очень велики.

Ещё 26 июня 1792 г. решено было закупить в Америке продовольствие для Сан-Доминго на сумму 4 млн турских ливров, что и было исполнено в 1793 году. В феврале 1793 г. французский посол Тернант вёл переговоры о поставках из Америки зерна, муки и мяса на 2 млн турских ливров. Весной того же года ожидалось прибытие из США до 50 тыс. баррелей муки, 50 тыс. буа-

ко зерна и 6 тыс. баррелей солонины². В дальнейшем этот импорт мог сильно возрасти.

В 1791 г. французский посол в США должен был возбудить вопрос о заключении торгового договора. Весной 1792 г. Джейферсон в беседе с Тернантом выразил желание заключить этот договор на условиях взаимного открытия портов и установления пошлин в том же размере, что и для своих товаров. Переговоры эти не получили продолжения потому, что французский посол не получил инструкций и в самих Соединенных Штатах федералисты больше желали заключить торговый договор с Англией. Но Конвент пошёл на уступки Соединенным Штатам и 19—21 февраля 1793 г. открыл для их торговли все порты французских колоний с условием уплаты пошлин наравне с французами. Невозможность снабжать колонии под французским флагом в условиях войны с Англией заставила в марте разрешить ввоз американского продовольствия в колонии без всяких пошлин. В мае 1793 г. было решено изъять американские суда из действия декрета конфискации всех грузов, предназначенных для врагов республики. На короткое время это исключение было отменено, но в июле его восстановили, и после протестов Морриса были удовлетворены все претензии США по захватам их судов и грузов³.

С точки зрения интересов торговли и обороны республики, якобинцы считали нейтралитет США более выгодным для Франции, чем их непосредственное вступление в войну с Англией, рассчитывать на которое было притом невозможно. В случае же вступления США в войну Англия, пользуясь своим превосходством на море, могла бы причинить торговле большой ущерб или совсем нарушить её. В дальнейшем робеспьеровский Комитет общественного спасения твёрдо стал на эту точку зрения и на основе её достиг значительного укрепления отношений с Соединенными Штатами Америки. Осенью 1793 г. Жене был отрешён от должности посланника в США.

В Европе для сохранения внешней торговли Франции с нейтральными странами наибольшее значение имели дружественные отношения с ганзейскими городами и с Данией, купцы которых ввозили во Францию гораздо больше продовольствия, чем Соединенные Штаты Америки. Помимо того Де-Форг надеялся вовлечь Данию в лигу нейтральных государств.

Свободомыслящее купечество Копенгагена и даже министр иностранных дел Дании граф Бернstorff сочувственно относились к принципам буржуазного порядка, хотя, разумеется, считали их приемлемыми лишь в виде умеренных реформ. Буржуазия Дании

¹ Annual Report of American Historical Association. Vol. II, p. 283—285. Washington. 1903.

² Aulard. «La société des jacobins». T. V, p. 294. Шабо, как и Дефорг, был дантонистом.

³ Об этом см. «Mémorial du gouverneur Morris». T. I, p. 355—356. Paris. 1842; Recueil des actes du Comité de Salut Public. T. V. Протокол от 5 и 9 июля 1793 г., Aulard A. «La dette américaine envers la France». «La Révolution française». T. LXXVIII, p. 114—117. 1925.

⁴ Correspondence of French Ministers 1791—1797. «Annual Report of American Historical Association». Vol. II, p. 122, 168, 170, 179. 1903.

⁵ Ibidem, p. 9, 112, 122; Morris. Op. cit. T. II, p. 314—315, 331.

привыкла всегда извлекать крупные барыши из торговли с Францией и никогда не желаила разрыва с ней. Кроме того Датское королевство нуждалось в существовании сильной и самостоятельной Франции для противовеса давлению на его политику со стороны Англии и Пруссии. Легко понять, что планы коалиции не встречали особой симпатии ни среди купечества Дании, ни при её дворе.

После казни Людовика XVI Дания упорно поддерживала дипломатические отношения с Францией, хотя и в полуофициальной форме. Прежний французский посол в Копенгагене, де Вибр, был смешён, но после него всё же остался секретарь посольства Фрамери. Принцы-эмигранты были совсем чепуляры в Дании. В мае 1793 г. граф д'Артуа был весьма нелюбезно принят при датском дворе. Заявление графа Прованского о принятии им регентства также не изменило датской политики по отношению к Франции. Посол Дании в Париже де Блом был отозван, но Дания строго держалась чайтрапитета. Захват Тулона англичанами вызвал в Копенгагене новый прилив симпатий к французам и враждебности к Англии.

В июле 1793 г. по предложению Лебрена французским агентом в Данию был назначен Филипп-Антуан Грувель. Это был человек умный и способный. Грувель происходил из кругов средней буржуазии: его отец был золотых и серебряных дел мастером. Сам Грувель служил клерком. В годы революции он подвизался как поэт и второразрядный публицист. Подобно другим революционерам, он постепенно перешёл от умеренных взглядов к республиканско-демократическим убеждениям. При республике Грувель стал секретарём Временного исполнительного совета, и 20 января 1793 г. ему пришлось читать в Тампле смертный приговор Людовику XVI.

Датский двор слишком боялся угроз и репрессий со стороны Англии и Пруссии, чтобы рискнуть формально признать Французскую Республику. Он согласился иметь дело с Грувелем лишь на тех основаниях, что и с прежним секретарём посольства, Фрамери. 26 августа Грувель прибыл в Копенгаген никогнико, под именем некоего Дюверни. Целью его миссии было добиться признания Французской Республики Данией. По инструкции, Грувель должен был явиться в Копенгаген как «тайный агент французской нации, сохраняющий инкогнито до тех пор, пока какая-либо из главных держав не признает независимости и суверенитета Республики»¹. Грувель несколько раз беседовал с Бернstorffом, обсуждал с ним вопрос о защите датских судов, перевозящих продовольствие во Францию, и следил за эмигрантами. Он был любезно принят в домах банкиров и богатых негоциантов, на леявшихся на выгодные сделки, а также в

салонах некоторых аристократов и в литературных кругах².

Комитет общественного спасения покровительствовал торговле с Данией и предписывал освобождать (с возмещением убытков) датские горловые суда в случае захвата их французским флотом³. Временный исполнительный совет поручил морскому министерству принять меры к снабжению под датским флагом французских владений в Индийском океане — островов Реюнион и Иль де Франс⁴. В дипломатических сношениях с Данцией робеспьеровский Комитет общественного спасения последовательно и твёрдо придерживался планов, принятых весною и летом 1793 года.

Та же преемственность, но в сочетании с твёрдой революционной последовательностью может быть отмечена и в сношениях со Швейцарией. Нейтралитет Швейцарии представлял огромную важность для французской республики. Швейцарская граница оставалась единственным окном для её сухопутной внешней торговли. Сохранение мирных и добрососедских отношений с кантонаами обеспечивало безопасность значительной части восточных границ Франции. Французские агенты, находившиеся в Швейцарии, собирали там важные сведения и наблюдали за положением в Европе. Сношения со Швейцарией занимают видное место в дипломатии якобинской диктатуры.

В 1792 г. революционная пропаганда жирондистов напугала правительство кантонаов и едва не бросила их в лагерь коалиции. Политика дантоновского Комитета общественного спасения в апреле — мае 1793 г. несколько успокоила их. Но с установлением якобинской диктатуры нейтралитет Швейцарии вновь стал колебаться. Господство якобинцев усилило страх аристократических правительств Швейцарии перед революцией. Жирондисты, эбертисты и космополиты-эмигранты вели агитацию против мирных сношений с королями и аристократами и вызывали беспокойство в кантонах. Сильное недовольство вызвано было запрещением вывоза товаров из Франции через швейцарскую границу, прекращением поставок соли в кантоны и неуплатой пенсий швейцарцам, служившим во французских войсках во времена монархии. С другой стороны, коалиция угрозами пыталась заставить Швейцарию порвать дипломатические отношения с Французской Республикой. Пощечинение австрийцами французских агентов Семонвиля и Маре на швейцарской территории вызвало негодование во Франции.

Комитет общественного спасения лишь постепенно оценил огромное значение нейтралитета Швейцарии. 16 августа, когда Эро де Сешель временно приобрёл влияние на внешние дела, непримиримая позиция

¹ Ibidem, p. 549—553.

² «Recueil». T. IV, p. 484, протокол от 8 июля 1793 года.

³ Ibidem. T. V. p. 155, 156, 183—184, 218.

Комитета в этом вопросе несколько поколебалась. Французский посланник в Базеле Бартелеми проявил много ловкости и ума, чтобы уладить конфликты между республикой и кантонами и сохранить с ними мирные и дружественные отношения.

После похищения Семонвиля многие во Франции требовали репрессий в отношении правительства кантонов. Крайняя газета «Journal de la Montagne» обвиняла швейцарцев в событиях, связанных с другим делом. Бартелеми старался успокоить Комитет и опроверг все обвинения этой газеты. Другой причиной недовольства кантонами во Франции было вторжение пьемонтских войск в Валлис. Бартелеми старался доказать, что и это обстоятельство не угрожает опасностью. Он писал, что все горные проходы, отделяющие Францию от её врагов, в сентябре будут занесены снегом и станут непроходимы. По мнению Бартелеми, в случае применения к швейцарцам репрессий им воспользовалась бы Австрия, чтобы влечь кантонов в войну на своей стороне¹. Большое беспокойство в кантонах вызвало резкий тон республиканских генералов, грозивших репрессиями. Особенно отличился генерал Вьесе, который в письме швейцарскому правительству угрожал разрушением Базеля. Бартелеми резко осуждал эти выходки. 9 сентября Дефорг сообщил Бартелеми о намерении министерства иностранных дел отставить генерала².

Особенно остройшим вопросом было сохранение неприкословенности маленьких по граничным городам-республик — Мюльгаузена и Невшателья. 24 апреля 1793 г. дantonовский Комитет общественного спасения принял решение о невмешательстве в их дела³. Но летом 1793 г. пропаганда революционной войны за пределами Франции снова привлекла к ним внимание. 18 августа Эро де Сешель послал в Мюльгаузен агента Катюса, чтобы подготовить там революционный переворот и присоединение к Франции. 25 августа он же предложил послать двух депутатов Конвента в Савойю для ведения там революционной пропаганды и изгнания врагов⁴.

Но Робеспьер не разделял намерений присоединить Мюльгаузен и Невшатель к Франции. В сентябре Бартелеми писал Дефоргу о необходимости блюсти неприкословенность Мюльгаузена для сохранения нейтралитета кантонов⁵. Тем не менее тревога не была рассеяна.

В отношениях Франции с Швейцарией одним из главных вопросов, который надо было решить якобинцам, был вопрос о том, чего следовало добиваться, чтобы кантоны сохранили нейтралитет или же чтобы они заключили союз с Францией. Союза желали

сторонники немедленной революционной пропаганды заграницей. Крайняя газета «Journal de la Montagne» настаивала на союзе и обвиняла существующее швейцарское правительство в интригах с врагами Франции⁶.

Комитет общественного спасения питал симпатии к Швейцарии. Видя в ней вначале только её республиканскую внешность, он верил в возможность союза с кантонами. Бартелеми с его умеренными советами стал винуть недоверие. 30 августа Комитет решил установить новый порядок сношений с Швейцарией. Это была попытка отказаться от института послов и посланников, иметь которых многие якобинцы считали приличным лишь для монархических правительства, и установить сношения с швейцарцами через посредство выборных представителей обеих наций, подобно тому, как бывало в античных городах-республиках. Предполагалось явить миру «великое зрелище двух народов, скрепляющих свою связь и согласующих свои интересы с прямодушием, отличающим свободных людей»⁷. Для этого решено было послать в Швейцарию двух депутатов Конвента, и Бартелеми получил поручение позондировать почву на счет перемены в способах сношений и заключения союзного договора. Но ему не доверили и для наблюдения за ним самим послали некоего гражданина Обрие, ярого сторонника революционной пропаганды заграницей. Обрие подавал Комитету совсем иные советы: он рекомендовал действовать с оружием в руках — явиться в Швейцарию с деньгами, зерном и 30 тыс. солдат, «успокоить население кантонов по поводу угроз нападения со стороны Австрии и предложить заключение союза»⁸. Но Бартелеми, хорошо знаявшему, как относятся кантони к подобным предложениям, удалось предотвратить неминуемый конфликт. В том же направлении должно было действовать неуклонно возраставшее влияние Робеспьера на внешнюю политику⁹.

В сентябре Бартелеми настойчиво предупреждал от посыпки в Швейцарию депутатов Конвента и предложения союзного договора. Эти черты, писал он Дефоргу, приведут лишь к тому, что «мы скомпрометируем себя в высочайшей степени»¹⁰. Предложение союза, утверждал он, навлечёт на Швейцарию нападение коалиции, если кантони его примут, поэтому неминуем или отказ или же равносильные ему проволочки с ответом. Для политических и торговых интересов Франции нейтралитет кантонов

¹ Kaulek. I. (ed) «Papiers de Barthélémy». T. III, p. 5, 55—56, 70, 82—83, 104.

² Ibidem, p. 28.

³ Aulard. Op. cit., p. 184—185.

⁴ Mathiez A. «La Révolution française». T. II, ch. IV.

⁵ Kaulek. Op. cit. T. III, p. 94—95.

⁶ Kaulek. Op. cit. T. III, p. 121. Бартелеми Дефоргу 7 октября 1793 года.

⁷ Сорель. Соч. Т. III, стр. 340.

⁸ Там же.

⁹ Робеспьер желал союза с малыми державами, но считал его возможным лишь при свободном изъявлении на него воли их населения.

¹⁰ Kaulek. Op. cit. T. III, p. 39, 103, 121; Сорель. Соч. Т. III, стр. 341.

выгоднее, чем союз с ними¹. По мере того как Комитет общественного спасения лучше знакомился с действительным настроением в кантонах, он убеждался в правоте Бартелеми. Проект новой организации дипломатических сношений с ними был оставлен.

Комитет общественного спасения направил в Женеву особого дипломатического агента. 25 мая туда был назначен Сулави, бывший аббат, компилятор, собиратель и издатель исторических мемуаров и сочинений и вместе с тем один из первых республиканцев. По своим взглядам на внешнюю политику он во многом сходился с Робеспьером. Ещё в 1790 г. по вопросу о праे-войне и мира они держались одного и того же мнения. На Сулави оказало большое влияние изучение секретных архивов Людовика XV. С дипломатическими архивами он познакомился после 10 августа, когда его назначили разбирать королевские бумаги в Версале. Он сознательно старался связать внешнюю политику революции с традициями дипломатии минувших царствований XVI—XVII вв., т. е. времён расцвета абсолютизма. Так, он усвоил идею выгодности союза с малыми странами и сближения с Пруссией. Сулави давал советы Бареру и Робеспьеру в делах внешней политики. У него, несомненно, были способность схватывать её общие задачи и своего рода чувство реальной необходимости². Сулави настойчиво стремился получить какой-либо дипломатический пост. Он долго сновал по передним Комитетам общественного спасения и получил назначение ещё при Дантоне. В своих письмах и донесениях Сулави любил развивать поучения о внешней политике; впрочем, всегда заранее уловив тон Комитета, он составлял их в заведомо желательном ему духе.

Сулави был снабжён весьма осторожными инструкциями в согласии с идеями Лебрена. Но из скромного посту дипломатического агента Франции в Женеве Сулави как личность оказался совершенно неспособен. У него не было достаточной выдержки и гибкости при выполнении поставленной перед ним задачи. Его личные недостатки — неуживчивость и раздражительность, мелочность и бесактность — выражались в придирках и приставаниях к женевским властям по различным пустякам и в попытках вмешательства

¹ Утверждение Зибеля, что Бартелеми занимался в Швейцарии революционной пропагандой и истратил на попытки заключить союз с кантонаами 40 млн. ливров, ничем не обосновано и не заслуживает никакого доверия. См. Sylvestre «La propagande révolutionnaire en 1793 et en 1794» *Revue historique*, T. XI, p. 103—114. Paris. 1879.

² Авенель преувеличивает роль Сулави и считает его настоящим наставником Робеспьера в делах внешней политики. Avenel «Anacharsis Cloots». T. II, p. 218—219. Наиболее обстоятельное описание карьеры Сулави см. у Mazon *Histoire de Soulavie*, T. I,особ. p. 139; T. II, особ. p. 45—54. Paris. 1893.

в их внутренние дела. Сулави отказывал всем без разбора швейцарцам в выдаче паспортов на въезд во Францию. 12 августа он сообщил Дефорту, что им было сделано представление женевскому правительству о недопустимости закона, лишающего католиков политических прав в Женеве. Дефорг отказал ему в поддержке. Через несколько дней Сулави потребовал 3 тыс. соусов зерна для французской армии и получил отказ. В депеше от 4 сентября он почти рекомендовал занять Женеву французскими войсками. В конце концов женевское правительство 27 сентября решило послать в Париж двух делегатов — Дюпена и Бютина, чтобы добиться отзыва Сулави³.

Между тем Комитет получал предсогласительные донесения от своих комиссаров. 1 июля комиссар Конвента при рейнской армии писал о необходимости сохранять добрососедские отношения с кантонами и для этого даже удовлетворить денежные претензии швейцарцев. Расгущая потребность в поставках из Швейцарии лошадей, скота и кож заставляла ещё более заботиться об укреплении отношений с нею. В августе Комитет общественного спасения намечает ряд крупных закупок в кантонах с оплатой в звонкой монете. На покупку лошадей было ассигновано 800 тыс. ливров, на покупку скота — 1 миллион⁴. В сентябре Бартелеми советовал добиться разрешения для Швейцарии вывозить товары из Франции, чтобы не давать кантонам повода желать сближения с германскими государствами и избежать ответных запрещений⁵. Для кантона в весьма важны были поставки соли из Франции, которые до революции определялись особым регламентом 1786 г., а во время республики почти прекратились. 25 апреля 1793 г. дантоновский Комитет общественного спасения постановил возобновить отправку соли по прежнему регламенту и восполнить все прежние недочеты по поставкам из солярен Франшонте и Муаяника. Но это решение осталось на бумаге, как видно из того, что 1 июля Временный исполнительный совет вновь вынес такое же самое постановление о необходимости выполнения поставок соли⁶. Экономические и политические отношения с Швейцарией оставались натянутыми, и Комитету общественного спасения ещё предстояло принять решительные меры, чтобы укрепить их и устранить недовольство и страх, вызванные пропагандой жирондистов⁷.

³ См. Aulard. Op. cit., p. 195—204; Mazon. Op. cit. T. I, p. 173—179, 184—185, 188, 190—191; среди обвинений, выдвинутых против Сулави, есть и немало клеветнических. Часть их опровергнута Мазоном во втором томе его труда, стр. 49, 54.

⁴ «Recueil». T. V, p. 146—147.

⁵ Ibidem, p. 461; T. IV, p. 161, 201.

⁶ Kaulek Op. cit. T. III, p. 26, 35; «Recueil». T. V, p. 142—144.

⁷ В своих мемуарах Бартелеми уверяет, что Комитет общественного спасения желал поладить с кантонами ещё и для того, чтобы

Лефорг и Комитет общественного спасения возлагали большие надежды на укрепление отношений с Турцией и с её североафриканскими владениями. Торговля с Левантом стала рассматриваться как важный источник возможных поставок продовольствия и широкого сбыта для изделий французской промышленности. Укрепление французского влияния в Турции и сохранение торговли с нею считались важной задачей.

30 июня 1793 г. французский генеральный консул и триполитанский паша подтвердили существовавший прежде договор о торговле между Францией и Триполи¹. Но действительное положение французской торговли в Леванте стало в 1793 г. самым плачевным. Её подорвали разрыв с Англией и гражданская война в самой Франции. Морская воина в условиях превосходства англо-испанского флота губила торговлю и привела к почти полному разрыву коммерческих связей Франции с Левантом. Особенно трудно стало вести эту торговлю после захвата англичанами Тулона.

Богатые купцы Марселя и негоцианты, осевшие в левантских колониях, были изстроены весьма умеренно и относились к якобинской диктатуре враждебно. Вначале часть купечества приветствовала революцию: негоцианты надеялись, что при господстве буржуазии торговля будет освобождена от стеснительных регламентов и получит более надёжную защиту, чем покровительство дипломатов и консулов монархии, стоявших на страже дворянско-династических интересов. Эти надежды оправдались. Стеснительные правила левантской торговли были отменены, но с ними были ликвидированы и привилегии и монополии купеческих компаний, издавна занятых торговлей с Востоком. Последняя мера отвечала интересам французской буржуазии в целом: она делала левантскую торговлю однаково доступной для всего торгового класса. Однако она вызвала недовольство старой, умеренной, приплегированной буржуазии. Впрочем, к 1793 г. новые капиталы не успели вливаться в левантскую торговлю и начать конкурировать с давно занятыми в ней купеческими домами. Господство якобинцев казалось богатым купцам опасным и для их собственности.

Политические планы нового Комитета общественного спасения на Востоке представляли собой комбинации, задуманные

получить там убежище в случае победы интервентов или внутренней конгреволюции. По его утверждению, все члены Комитета были снабжены швейцарскими паспортами на случай необходимости бегства. Мы не могли, однако, проверить утверждение Бартелеми, повидимому, клеветническое. О том же плане бегства в кантоны или в Женеву сообщает и Суллан. По его словам, Комитет предполагал бежать в Швейцарию в случае победы эбертистов. «Mémoires de Barthélémy», р. 100, 113; Mazon «Histoire de Suisse», Т. I, р. 237.

¹ Martens G. Recueil des traités. Т. II, р. 70. L. 1846.

ещё Дюмурье, Лебреном и Дантоном. Дело шло о старом проекте — использовать вражду тузук к России и Австрии и толкнуть их на новую войну, чтобы связать им руки. Для этого надо было добиться признания Республики со стороны Турции и заключения с ней военного союза. Предполагалось, что Турция станет одним из важнейших участников антиколониальной лиги нейтральных государств.

После свержения монархии министерство иностранных дел не раз пыталось назначить в Турцию нового посланника для осуществления этих целей. Но до лета 1793 г. ни одному из французских агентов не удалось добраться до Константинополя. Зато в середине 1793 г. в столицу Турции прибыли различными путями сразу два уполномоченных: генерал Декорш и агент Энен.

Мари Декорш, ранее маркиз Сен-Круа, был богатым аристократом, обладателем состояния до 800 тыс. лирров. Во время революции он быстро уяснил себе свой путь: перешёл на сторону победившей буржуазии и взвешие весьма ревностно воспринял её принципы. В буржуазной среде революционные власти в то время не находили нужного числа лиц, подготовленных к дипломатической службе, и для Декорша легко было сделано исключение из постановления, запрещавшего аристократам занимать должности дипломатических агентов. Это был ловкий, гибкий и умный дипломат, и в то же время хитрый, честолюбивый карьерист и интриган, весьма беспринципный. Декорш, подобно Талейрану (правда, в более скромных ролях, но последовательно и изворотливо), приспособился к сменявшим друг друга правительствам, начиная от жирондистского Конвента до реставрации Бурбонов. Сначала он был послан в Варшаву. Но там его деятельность возбудила гнев русских властей, по требованию которых он был выслан. Затем, в конце 1792 г., Декорш получил назначение в Турцию. После долгого пути и длительной задержки в Травнике, на территории Боснии, он 8 июня 1793 г. достиг цели своего путешествия и в качестве гражданского комиссара Конвента принял французскую колонию в Константинополе. Декорш быстро завоевал симпатии богатых купцов из французской колонии и не пускался в крайние меры. В посольстве он сохранил старый дипломатический персонал. Проявляя во всём умеренность, он старался не затрагивать католическое духовенство, и сам демонстративно посещал церковь².

Почти одновременно с Декоршем в Константинополь прибыл другой французский агент — якобинец Энен. По личным своим наклонностям это был тоже карьерист и интриган, но совершенно другого типа и притом якобинец по убеждению. Энен был назначен в Турцию Лебреном в мае 1793 г.³

² Marcége E. «Un ambassade à Constantinopole. La Politique orientale de la Révolution française». Т. I, р. 1927.

³ Marcége. Op. cit. Т. I, р. 53. См. также Вайнштейн О. «Французские колонии на Леванте при старом порядке и в

получил задание наблюдать за деятельностью Декорша. Он не только принял свою роль тайного соглядата и контролёра над Декоршем, но и сразу вступил с ним в открытое соперничество. Во французской колонии в Константинополе Энен сблизился не с богатыми купцами, а с крайними революционерами из числа немногих ремесленников, мастеров, приказчиков и интеллигентов. 11 августа в Константинополе из этих лиц образовался чубинский клуб, который отправил просьбу об «усыновлении» (аффилиации) его центральным клубом в Париже. Энен и члены клуба обвиняли Декорша в умеренности, в связях с богатыми негациантами, в покровительстве духовенству и в сохранении на службе прежних чиновников посольства. В Париж один за другим отправлялись взаимные доносы и жалобы, вызванные борьбой различных групп во французской колонии и личных честолюбий обоих агентов. Их открытая склоки, раздоры и противоречивые заявления роняли авторитет Французской Республики перед турецкими властями и ослабляли доверие к её предложениям. Декорш имел поручение втянуть Турцию в войну против России и Австрии, а Энен 22 августа публично заявил, что это вовсе не входит в намерения Республики¹.

Декорш хотел добиться от Турции официального признания Французской Республики, но не получил ответа. Его принимали под вымышленным именем Обри и в качестве частного лица. Причиной этого не могли быть монархические чувства турецких сановников. Падение престола неверного (христианского) государя нисколько не могло взволновать их, тем более что австрийский союз 1756 г., заключённый французской монархией, оставил у турок самые мрачные воспоминания². Самой важной помехой для осуществления плана Декорша были сведения о военных поражениях Франции, неверие турок в прочность её правительства и её неспособность оказать Турции реальную помощь деньгами и флотом. Наряду с этим турецкие власти сознавали свою собственную слабость и страшились угроз России и Австрии.

8 августа Декорш беседовал с Мустафаем и другими представителями Диваана, но ему не было разрешено вести секретные переговоры с турецким министерством иностранных дел. 23 сентября Декоршу было заявлено, что Турция и Франция — друзья, но обстоятельства заставляют воздержаться от формального признания Французской Республики и от нарушения Турцией нейтралитета в происходящей войне³. Декорш писал в Париж бесчисленные просьбы о по-

мощи Турции деньгами, флотом, но оказать её не было никакой возможности. Кроме того турки желали получить из Франции офицеров и военных инженеров⁴.

8 августа во французском министерстве иностранных дел были составлены для Декорша новые инструкции, которые дошли до него 11 ноября. На этот раз Французская Республика предлагала Турции следующие условия союза: 1) не складывать оружия перед врагами без согласия Порты; 2) сотрудничать с Турцией в деле восстановления границ по Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г.; 3) снабдить Турцию офицерами, гренадерами и обученными рабочими, 4) помогать ей флотом и выслать вспомогательную эскадру⁵. Но большинство этих обещаний было не по силам Республике, и они не соблазнили турок.

В середине сентября Комитет передал 500 тыс. ливров в Марсель для покрытия расходов Декорша, но этого было слишком мало, чтобы купить союз с Турцией. Взятие Тулона англичанами ещё более устрашило турецкие власти и отняло у них всякую веру в помощь французского флота. Военный престиж Французской Республики настолько пал, что её граждане в Турции стали подвергаться оскорблению. 26 сентября на одной из улиц Константинополя французский гражданин Рубо и капитан французского торгового судна Герен были избиты греками и русскими. По жалобе русского посла турецкая полиция арестовала Рубо за то, что он ударил палкой одного из нападавших. Этот инцидент послужил поводом к разным мелким недоразумениям и досадной переписке⁶.

Дефорг продолжал интересоваться не только турецкими, но и польскими делами⁷. 31 июля он запрашивал о них тайного агента Парандье. Однако якобинцы считали польское движение недостаточно демократическим, чтобы помочь ему⁸, а военная слабость Французской Республики не позволяла ей активно вмешаться в польские события⁹.

Переговоры с Швецией о военном союзе не принесли результатов. Шведский регент герцог Зюдерманландский всё ещё боялся заключать союз в то время, когда Французская Республика терпела жестокие поражения. Швеция грозила опасность совместных враждебных действий флотов Англии и России, если бы шведские военные суда на-

¹ Ibidem, p. 90.

² Marcèghe. Op. cit. T. I, p. 136—137.

³ Ibidem, p. 146—147.

⁴ Grossbарт J. «La politique polonaise de la Révolution française jusqu'aux traités de Bâle» (Ann. hist. de la Révol. fr. 1929, p. 476—478).

⁵ «Moniteur». T. XVII, p. 513. Статья от 30 августа.

⁶ 17 сентября, повидимому, прочитав эту статью в «Moniteur», Парандье, лживо «беспринципно приспособлявший свои донесения ко вкусам читателей, написал о том, что будто бы в Польше готовится новая, «более демократическая» революция. Grossbарт. Op. cit., p. 476—478.

правились во Францию. Регент стал питать надежды на возобновление русских субсидий и опасался новых внутренних потрясений во Франции. Всё это заставляло его опасаться и выжидать¹. С другой стороны, в самой Франции пропаганда эбертистов и космополитов возбуждала многих якобинцев против всяких сделок и переговоров с королями и аристократами. Депутат Конвента Рюль поносил открыто с трибуны шведского посла Стала как иностранного шпиона². Недоверие крайних якобинцев вызывало и французский дипломатический агент Верниак, который вёл переговоры со Стalem. Его обвиняли в сношениях с Неккером. Тем не менее Комитет общественного спасения успокоил Стала и продолжал переговоры.

9 сентября 1793 г. Верниак представил Стalem новый проект³ условий союза. Франция предлагала платить по 500 тыс. франков за каждый военный корабль и по 200 тыс. за фрегат, который снарядит Швеция. Годичная субсидия должна была зависеть от числа судов, вооружённых Швецией для конвоирования транспортов во Францию. В случае войны Швеции с Россией Франция предлагала денежную помощь. Швеция должна была препятствовать закупкам государства коалиции в её портах. Сталь начал переписку со Стокгольмом. 17 сентября Верниак предлагал свои услуги, чтобы отправиться туда вместе с ним. Но дело не двинулось вперёд⁴. С началом военных успехов осенью 1793 г. Комитет общественного спасения перестал добывать союза с Швецией на столь невыгодных условиях.

Попытка Комитета общественного спасения укрепить отношения с нейтральными государствами летом 1793 г. свидетельствует о большом значении, которое якобинцы придавали дипломатии для борьбы с контрреволюционной коалицией. Можно отметить, что дипломатия Комитета общественного спасения в отношении нейтральных стран даже летом 1793 г., в момент наибольшей изоляции Франции, не соответствовала громовым тирадам против всяких сношений с монархическими и аристократическими правительствами, которые раздавались с трибуны Конвента и якобинского клуба для успокоения эбертистов и Коммуны. Но, тем не менее, в результате пропаганды и деятельности жирондистских

¹ Petiet R. «Gustave IV Adolphe et la Révolution française», p. 48—51. Paris. 1914.

² Ibidem, p. 52.

³ От 3 сентября 1793 г.

⁴ Petiet. Op. cit., p. 52—53.

агентов дружественные связи с США и с Швейцарией оказались под угрозой, я с октября, когда влияние робеспьевского Комитета общественного спасения окончательно упрочилось, перед ним встала задача немедленного укрепления сношений с нейтральными странами. I-й Комитет общественного спасения, возглавляемый Дантоном изначале пользовавшийся услугами Лебрена, лишь наметил, но не осуществил эту задачу.

Что касается организации дипломатии Французской республики, то она мало изменилась летом 1793 года. Политическое влияние министра иностранных дел ещё более ослабело. Продолжалась чистка дипломатического персонала от ненадёжных лиц. С большинством нейтральных государств Французская Республика поддерживала лишь неофициальные сношения, через тайных агентов. 24 сентября Комитет общественного спасения принял по предложению Барера «принципы ведения внешней политики», которые в основном выражали фактически установленный порядок вещей. Решено было не иметь нигде, кроме США и Швейцарии, полномочных министров и послов. При монархических правительствах предполагалось действовать только через секретных, неофициальных лиц. Под впечатлением похищения Семонвия с его бумагами постановлено было не давать письменных инструкций секретным дипломатическим агентам республики, уезжающим за границу. Последний пункт запрещал вести переговоры с агентами государств, не признавших Французскую Республику. Но на деле и он не исполнялся, как можно видеть из того факта, что в большинстве нейтральных стран агенты якобинской республики не были формально признаны. Впрочем, этот пункт непосредственно относился к государствам кабалии.

Так, поддержание мирных и дружелюбных отношений с нейтральными странами и невмешательство в их внутренние дела с целью помешать полной изоляции Франции и победе контрреволюции были одной из наиболее характерных проявлений гибкости революционной дипломатии якобинской республики в отличие от авантюристических намерений жирондистов, проявленных ими особенно зимой 1792—1793 г., и планов иностранных космополитов-эмигрантов, которые не считались с действительным положением вещей в нейтральных государствах и едва не довели дело до разрыва с ними своими попытками немедленно пронзверсти в них переворот, для чего там ещё не имелось достаточных предпосылок.